

Ю. М. Муратов

**‘НЕПРАВИЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ’
КАК ОДНА ИЗ МОТИВАЦИЙ
В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ
‘ПРИСВОЕНИЕ ЧУЖОГО (СИЛОЙ ИЛИ ТАЙНО)’
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Лексико-семантическое поле ‘присвоение чужого (силой или тайно)’ является одним из самых древних индоевропейских понятийных полей. Об этом свидетельствует зарождение данного понятия в праиндоевропейскую эпоху в рамках этимологического гнезда глагола с корнем **(s)ta(i)-* > праслав. *tatъ*, др.-ирл. *taid* ‘вор’, ср. греч. *τητάω, τατάω* ‘лишаю’, др.-инд. *tāyúṣ* ‘вор’, авест. *tāyu-* ‘вор’, *tāya* ‘кража, тайный’, хетт. *tājezzi* ‘крадет’ (Фасмер IV, 11, 28), основой мотивации наименования кражи в этом случае становится признак скрытного, тайного действия. Поле остается актуальным в истории праславянского языка (**krasti, *tyriti, *myz-gati*) и в истории отдельных славянских языков, о чем свидетельствует множественность типов мотивационных моделей соответствующей лексики, одним из которых становится ‘неправильное, отклоняющееся от нормы (пути) поведение’. Данный мотивационный тип базируется на представлении о правильном и ложном, которое постепенно проникает во все сферы жизнедеятельности человека; это бинарное противопоставление становится ведущим при детерминации поступков человека, что затрагивает и понятие ‘кража’ (ср. «ныне закон различает: *воровство-кражу*, *татьбу* и *воровство-мошенничество*, *воровство*» — Даль² IV, 393), таким образом, в поле вливается пласт лексики, обозначающий воровство как неправильный поступок, что сформировало новую семантическую модель ‘кража как неправильное поведение’.

В истории русского языка эта семантическая модель начинает формироваться довольно поздно, в старорусский период, первопричиной данного действия (кражи) представляется обман. Центральное место в данной мотивационной модели и в дальнейшем во всем лексико-семантическом поле занимает гнездо *nomēn agentis vor*, производного от праслав. **verti, *vbrq*¹. Индоевропейский

корень **цег-* имел значения 'поворачивать', 'изворачиваться', на праславянском уровне восстанавливается следующая цепочка развития значения: 'поворачивать' > 'вязать' > 'запирать', а в некоторых славянских диалектах > 'обманывать'. На основе семы 'изворачиваться' через ступень 'предатель' в древнерусском языке (*вор* часто употребляется в XVI в. по отношению к Лжедмитриям в значении 'мошенник, авантюрист' (Фасмер I, 350) развивается значение 'преступник, злодей', а затем — 'вор'. Любопытно, что в украинском языке именно лексема *злодій* семантически соответствует русской *вор*. На основе данных диалектологии и лингвогеографии можно почти с уверенностью утверждать, что развитие нового значения у лексемы *вор* произошло к XVI в. в центральных великорусских говорах, в дальнейшем легших в основу русского литературного языка; эта лексема не получила широкого распространения в русских диалектах, лишь в донских говорах встречается имя *вор*, но со значением 'приехавший за невестой для венчания' (Донск. словарь I, 70). В значении 'вор' в донских говорах появляется лексема усложненной морфологической структуры *воркаган* (Донск. словарь I, 76). Поскольку это слово в говоре имеет также значение 'хулиган', наиболее вероятно контаминация словоформ *вор* и *уркаган*. От данной донской лексемы по весьма распространенной в славянских языках модели образуется глагол *воркаганить* (там же) и, видимо, его экспрессивный вариант с усиленной лабиализацией корневого гласного *воркуганить* (там же) со значением 'воровать'. Этим, по существу, и ограничивается представленность корня *вор-* в диалектах, тогда как в русском литературном языке обнаруживаются все возможные производные, что и позволило данному корню занять ядерное положение в поле наравне с более древним *красть*.

Уже с 1552 г. в письменном русском языке отмечены глаголы *воровати* (СлРЯ XI–XVII вв. 3, 29) и *своровати* (СлРЯ XI–XVII вв. 23, 194). Отыменный характер данных глаголов подтверждается наличием суффикса *-ова-*, который в русском языке указывает либо на отсутствие первичного глагола, либо на вторичный имперфектив, как в случае с более поздним образованием *воровывати* (СлРЯ XI–XVII вв. 3, 32), где удвоение суффикса *-ов-* + *-ыва-* опять же доказывает новизну образования. Но формируются данные глаголы не в рамках рассматриваемого лексико-семантического поля, а еще со значением, первым вышедшим из 'изворачиваться', т. е. со значением 'совершать противозаконные действия', 'быть участником политических и

религиозных столкновений', 'совершать военные нападения с целью грабежа и разбоя' (СлРЯ XI–XVII вв. 3, 29). Значение 'красть' впервые зафиксировано у двух приставочных образований XVII в. Это, во-первых, глагол *поворовати* 'воровать некоторое время, поплутовать' (СлРЯ XI–XVII вв. 15, 169), значение которого было обусловлено, очевидно, уже окрепшей семантикой имени *вор* 'похититель' и глагольной приставкой. Первичным значением приставки **ро-* было контаминированное обозначение удаления и приближения: 'от', 'к', 'сквозь', 'через'², а уже на славянской почве развиваются значения 'с незначительной интенсивностью, постепенно', 'поочередно', 'в течение некоторого времени'³, которые и находят свое отражение в этой словоформе. Во-вторых, в XVII же веке появляется глагол *изворовати* 'нанести вред незаконными действиями' и 'позволить разворовать' (СлРЯ XI–XVII вв. 6, 129). Примечательно последнее значение: это единственный пример каузатива в рассматриваемом лексико-семантическом поле. Позднее, с XVIII в. фиксируется глагол для обозначения кражи нескольких предметов *наворовать* 'нарушить закон', 'украсть в к.-л. количестве, в несколько приемов' (СлРЯ XVIII в. 13, 146). Первичная семантика приставки **на-* — 'над', а на балто-славянской почве она смогла обозначать и 'сверху вниз', 'прочь' (ср. лит. *niõ*)⁴. Видимо, сема кучности, 'накопить в определенном количестве'⁵, представленная в значении глагола до сих пор, является следствием трансформации первичной семантики приставки (ср. обилие подобных образований в разговорном языке: *навалить*, *накататься*, *наготовить* и т. д.). Сема множественности была свойственна и другой приставке, **об-*, но под влиянием своего первичного значения 'около', 'с обеих сторон', 'вокруг'⁶ она сформировала глагол, обозначающий кражу не конкретного предмета, а из какого-то помещения или у какого-либо лица — *обворовать* (СлРЯ XVIII в. 15, 217), в настоящее время являющийся разговорным. Таким образом, приставки закрепили новое значение в данном гнезде, при этом некоторые из приставок присоединялись еще до семантического преобразования (см. выше *своровать*). Можно с уверенностью утверждать, что включение данного гнезда в поле 'присвоение чужого' было во многом подготовлено приставками, так как разбираемое лексико-семантическое поле обладает весьма определенным инвентарем префиксов, многие из которых представлены здесь.

Известно, что в русском языке довольно устойчива связь 'обманывать' и 'ошибаться', ее появление возможно даже у разных

форм одного слова: ср. *обмануть* — *обмануться*. Далее в русском языке связываются значения ‘обманывать / ошибаться’ и ‘воровать’. Литературному языку такая семантическая модель, кажется, не свойственна, но в диалектах данная модель втягивает достаточно много гнезд. В новгородском диалекте сюда попадает и сам глагол **maniti* ‘лгать’ (ср. лтш. *mānīt* ‘обманывать’, лит. *mānyti* ‘колдовать’, др.-в.нем. *tein* ‘лживый’ (Фасмер II, 569) с его производным *обманить* ‘увести кого-либо (жену, мужа)’ (Новг. словарь 7, 50), где к сфере кражи отнесена супружеская измена (ср. выше дон. *вор* ‘приехавший за невестой для венчания’). В донских говорах появляется также лексема *аманат* со значением ‘обманщик’ и ‘вор’ (Донск. словарь I, 4). Исторически эта лексема является заимствованием из татарского, где *amanat* — ‘залог, поручение’, куда она попала через турецкий из арабского (Фасмер I, 75). Словоформа не является узкодиалектной, она была известна русскому литературному языку XVIII в. в значении ‘заложник’ (СлРЯ XVIII в. 1, 56), что выводимо напрямую из значения заимствованного слова в языке-источнике. Вероятнее всего, можно предположить следующую цепь развития значения: ‘залог’ > ‘заложник’ > ‘отнять, украсть’, а уже под влиянием народной этимологизации по глаголу *манить* и, видимо, уже закрепленной в сознании связи между значениями ‘отнять’ и ‘обмануть’, данная биполярность развивается и у имени *аманат*, откуда ‘обманщик’.

Еще одно заимствование с сочетанием значений ‘обман’ и ‘кража’ — это *химостить*. Предполагается финно-угорский источник слова — фин. *hiimat* ‘чары’ (Фасмер IV, 237). Следы первичного значения заимствованного корня сохраняются в псковских говорах: *химостить* ‘ворожить’ (Даль² IV, 548) (ср. еще укр. *хíморода* ‘причуда, колдовство’, *химорóдити* ‘колдовать, чудить’). Затем данное значение под влиянием понимания колдовства как шарлатанства и введения в заблуждение трансформируется в ‘обманывать’, что отражается в тверских говорах: *химостить* ‘врать, говорить чепуху’ (Даль² IV, 548). Наконец, во многих северо-восточных говорах глагол (*с*)*химостить* значит ‘похищать, красть, воровать, стащить’ (Даль² IV, 548), ‘украсть’ (Новг. словарь 11, 12). Поэтому восстанавливается следующая семантическая цепочка: ‘ворожить’ > ‘чудить’ > ‘обманывать’ > ‘воровать, красть’, последнее звено которой подтверждает семантический переход ‘обманывать’ > ‘красть’ в русских диалектах.

Такой же семантический переход наблюдается и с другим праславянским корнем, который на основе семы ‘лукавить’ при-

обретает значение ‘красть’. Речь идет о корне **nur-*, имевшем в праславянском языке значение движения вверх-вниз или же просто быстрого передвижения, ср. **nurěti* / **nyriti* ‘высовываться, скрываться, соваться во все, погружаться’, **nur’ati* ‘скрываться, быстро исчезнуть, погружаться в воду’, **nurŋoti* ‘шмыгнуть, юркнуть, быстро исчезнуть’ (ЭССЯ 26, 64). С тем же значением восстанавливается глагол с другим корневым вокализмом — **nuriti*. Далее наблюдаем схожую с **verti*, **vbro* семантическую трансформацию — появление значений ‘лукавый’, ‘ловкий’, ср. др.-рус. **ныреньк** ‘лукавое мудрствование’ (СДРЯ 5, 449), *ныривыи* ‘выдуманный’, ‘дурной, низкий, подлый’ (СДРЯ 5, 450), *проныристой* ‘ловкий, способный проникать куда угодно’ (Сл. Сред. Урала 5, 31). Это значение сохраняется в русском литературном языке в лексеме *проныра*, но в уральских говорах представлена следующая ступень развития значения: ‘лукавый, ловкий’ > ‘обманщик’. Первичное значение ловкого и отчасти незаметного движения контаминируется с новым, ‘обманывать’, оба из которых являются типичными стартовыми значениями для появления значения ‘воровать’, и в результате образуется **проныр** ‘обманщик, вор’ (Сл. Сред. Урала 5, 31).

К рассмотренным случаям близко развитие значение ‘кража’ на базе семантики отклонения от правильного пути, представленной в гнезде глагола **blęsti*. В новгородском и уральских диалектах значение ‘воровать’ зародилось в рамках гнезда глагола **blęditi*, образованного от имени *blędъ*, имеющего практически во всех славянских языках значение ‘ошибка, заблуждение’ ст.-сл. **блѣдъ** ‘бред, заблуждение’, др.-рус. *блѣдъ* ‘взор, обман’, эти же слова в ст.-сл. и в др.-рус. имели уже значения ‘болтун, обманщик’ — ЭССЯ 2, 114). Имя (*блоудъ* ‘заблуждение, ошибка’, ‘разврат’ — СДРЯ 1, 235; *блоудъ* ‘распутство’, ‘ошибка’ — СлРЯ 1, 244; и лишь в немногих, как-то: сербохорватский, словенский, русский, появляется значение ‘блуд, разврат’ — ЭССЯ 2, 127) восходит к глаголу **blęsti* с первичным значением ‘бродить, ходить, сбившись с дороги’, откуда — ‘ошибаться’ (ст.-сл. **блѣдити** ‘блуждать’, словен. *bloditi* ‘блуждать, заблуждаться, вводить в заблуждение’, чеш. *blouditi* ‘сбиваться с пути, блуждать, заблуждаться’, словац. *bludit’* ‘сбиваться с пути, бродить, заблуждаться’, в.-луж. *bludzić* ‘вводить в заблуждение, сбиваться с пути’, н.-луж. *blužiś* ‘запутывать, смущать, заблуждаться, ошибаться’, др.-рус. *блоудити* ‘заводить не туда, куда надо было бы’, рус. *блудить* ‘скитаться, ездить, сбившись с дороги, шалить, распутничать’ — ЭССЯ 2,

126; . Идеология христианства перенесла понятие о сбившемся с дороги человеке на человека, избравшего ложный жизненный путь, что находит свое отражение уже в древнерусском языке: *блудити* 'блуждать', 'заводить не туда' и 'распутничать', 'озорничая, разорять, портить' (СлРЯ XI–XVII вв. 1, 244), *блудникъ* 'тот, кто ошибается' и 'распутник' (СДРЯ 1, 236). Однако уже в среднерусский период появляется лексема *блудливый* со значением 'вороватый' (СлРЯ XI–XVII вв. 1, 245). Широкое понятие о неправильном и осуждаемом поведении постепенно сужается: в литературном языке до обозначения распутного, развязного сексуального поведения, тогда как в новгородском и уральских диалектах — до обозначения лица, занимающегося воровством: *блуд* 'вор' (Новг. словарь 1, 46). Таким образом, *блуд* в новгородских говорах переходит в *poen agentis*, образовав лауну для *poen actionis*, которым стало имя *блудня* 'воровство' (Новг. словарь 1, 60). Уральские образования *блудень*, *блудёна* (**blōdъnъ*) имеют значение 'мелкий воришка' (Сл. Сред. Урала 1, 47), хотя в уральских говорах имя *блуд* не развило значение 'вор'. Семантика глагольных образований, производных от прилагательного *блудный*, сохраняет связь со значением 'разврат, распутство', но по диалектам развивается и новое 'красть': *блудничать* 'красть' наравне с 'проказничать', 'бродить без дела' (Сл. Сред. Урала 1, 47), 'пакостить, распутничать' (Новг. словарь 1, 59). Таким образом, можно восстановить следующую цепь развития значения для данного глагольного корня: 'бродить, сбиться с пути' > 'развратничать, пакостить' / 'обманывать' > 'воровать', т. е. диалекты дают нам материал о дальнейшем развитии семантики, не представленной в литературном языке. Кроме того, в диалектах случается и одновременное присутствие обоих значений, как, например, *блудить* 'блуждать, воровать' (Новг. словарь 1, 60), где корневое *з* является, видимо, следствием ошибочного восстановления корня по производному *блуждать*.

К этому гнезду можно отнести и глагол повышенной экспрессивности *сблудить* 'украсть, своровать' (Новг. словарь 10, 14), образованный от **blędъ* с последующим преобразованием-табуированием в сторону сближения с *блин* (ср. также в русскоязычном жаргоне глагол с корнем **pizd-* 'красть', также предполагающий мотивацию обозначения кражи как отрицательно оцениваемого действия).

Итак, закрепившаяся в гнезде имени *вор* лишь к XVIII в. новая мотивация 'неправильное поведение преступника' не только

заняла ядерное положение, которое она сохраняет до сих пор наравне с более древними типами мотиваций (ср. выше **tatь*), но и втягивала новые лексемы в русских диалектах, вызвав переосмысление понятия неправильно выбранной дороги в понятие ошибочного жизненного пути — воровства.

Примечания

¹ Варбот Ж. Ж. **Vьrati* и **varati* // Этимология 1974. М., 1976, 39.

² Кореšný F. Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv.1. Praha. 1973, 178–192.

³ Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 2005, 365–366.

⁴ Кореšný F. Etymologický slovník ... 115–123.

⁵ Русская грамматика ... 361.

⁶ Кореšný F. Etymologický slovník ... 131–141.

⁷ Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб, 2004, 355, 578.